

А. Овчинников
ГЛАВНЫЙ ДЕТСКИЙ ДОКТОР
Г.Н. Сперанскому посвящается...



Алексей Овчинников

**Главный детский доктор. Г. Н.
Сперанскому посвящается...**

«Педиатръ»

2009

УДК 616-053.2-082
ББК 51.1(2)

Овчинников А. А.

Главный детский доктор. Г. Н. Сперанскому посвящается... /
А. А. Овчинников — «ПедиатрЪ», 2009

Книга посвящена основоположнику отечественной неонатологии, одному из инициаторов и активных строителей советской системы охраны материнства и младенчества, организатору и руководителю первого отечественного научно-исследовательского учреждения в области педиатрии Георгию Несторовичу Сперанскому. Внук Г. Н. Сперанского, профессор-медик А. А. Овчинников описывает личную и бытовую жизнь выдающегося ученого и клинициста, соприкосновение её с трагическими коллизиями в истории России. Не только ученые-медики, врачи-педиатры, но и широкий круг читателей, интересующихся историей нашей страны, получит удовольствие от зарисовок труда и быта талантливого детского врача в 20–50-х годах прошлого столетия.

УДК 616-053.2-082
ББК 51.1(2)

© Овчинников А. А., 2009
© ПедиатрЪ, 2009

Содержание

Предисловие	6
От автора	7
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	55
Глава 5	67
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

А. Овчинников
Главный детский доктор. Г. Н.
Сперанскому посвящается...

© Овчинников А., 2009

© Союз педиатров России, 2009

© ООО «М-Студио», 2009

Предисловие

Говоря об истории отечественной педиатрии, мы, прежде всего, вспоминаем имена трех её исполинов – С. Ф. Хотовицкого, Н. Ф. Филатова и Г. Н. Сперанского. Первый выделил педиатрию как самостоятельный предмет изучения и преподавания, второй заложил её научные основы, третий был идеологом и одним из организаторов профилактической, государственной системы охраны здоровья детей.

Хотел бы напомнить о пяти выдающихся заслугах третьего исполина – Георгия Несторовича Сперанского. Он – основоположник отечественной неонатологии, один из инициаторов и активных строителей советской системы охраны материнства и младенчества, основоположник научного направления по изучению физиологии и патологии детей раннего возраста, организатор и руководитель первого отечественного научно-исследовательского учреждения в области педиатрии; благодаря научным трудам Г. Н. Сперанского и его учеников в нашей стране на порядок была снижена младенческая смертность.

Теперь задам фактически риторический вопрос: нужно ли нам знать, быть знакомыми с личной жизнью выдающегося ученого? Конечно же, да! Ибо, с одной стороны, истоки успеха ученого лежат в особенностях его воспитания и характера, условий и образа жизни, а с другой стороны, его жизнь – почти всегда пример великого трудолюбия, порядочности, честности, верности семье, долгу, Отечеству.

К сожалению, в научных монографиях о жизни и деятельности выдающихся ученых сведения об их личной жизни – о детстве, родителях, семьях, быте, увлечениях, знакомствах и т. д. и т. п. – обычно представлены весьма скупо. И это понятно. Ибо о научном творчестве ученого говорят его труды, об общественной, профессиональной и педагогической деятельности – архивы, юбилейные статьи и некрологи, воспоминания сослуживцев и учеников. Что же касается личной жизни, то о ней, с известной мерой объективности, с милыми подробностями о характере и привычках ученого, его отношении к людям вне профессии, могут написать только близкие, жившие с ним бок о бок долгие годы. Но они, как правило, не имеют склонности к писательству, а написавшие воспоминания могут не найти издателя или средств к изданию своих воспоминаний.

Такой ситуации, к счастью, теперь избежит биография великого российского педиатра. Внук Г. Н. Сперанского, профессор-медик А. А. Овчинников написал замечательную, на мой взгляд, книгу о своем деде. Замечательна она тем, что во всей полноте показывает личную и бытовую жизнь выдающегося ученого и клинициста, соприкосновение её с трагическими коллизиями в истории России. Думается, не только ученые-медики, врачи-педиатры, но и широкий круг читателей, интересующихся историей нашей страны, получит удовольствие от зарисовок труда и быта талантливого детского врача в 20–50-х годах прошлого столетия. Наконец, замечателен, я бы даже сказал, бесценен, фоторяд. Какие лица! Вглядываешься в них и понимаешь, почему трагический XX век не смог погубить Россию.

Книга издана Союзом педиатров России. Во-первых, этим в какой-то мере отдан долг тому, кто стоял у истоков создания Всесоюзного Общества детских врачей и в течение четверти века его возглавлял. Во-вторых, дан богатейший материал будущим авторам научной биографии Г. Н. Сперанского, которая, к сожалению, до сих пор не написана. В-третьих, это будет подарком делегатам XVI съезда педиатров России (февраль 2009 г.) и 4-го Европейского Конгресса педиатров, который состоится впервые в нашей стране в июле 2009 г.

*Председатель Исполкома Союза педиатров России,
академик Российской академии медицинских наук,
профессор А. А. Баранов*

От автора

*Он стар, он сед... но как прекрасен!
Каким огнем глаза горят!
Как пронизателен и ясен,
Как смел его орлиный взгляд!..
Как разговор его блистает
Любезностью, умом живым,
Как он доверие внушает
Приветом ласковым своим!*

Гр. Растопчина

Мой дед Георгий Несторович Сперанский, «главный детский доктор», как его называли в народе, прожил огромную, плодотворную и очень не простую жизнь. Он родился и поступил в гимназию при Александре II, учился на медицинском факультете Московского университета во время царствования Александра III, получил диплом врача и стал работать детским доктором при Николае II. Революцию он встретил, будучи уже опытным педиатром и зрелым 44-летним человеком. Через месяц после смерти Ленина ему исполнился 51 год. Академиком он стал при Сталине, ко дню смерти которого ему уже минуло 80 лет. Золотую звезду Героя Социалистического Труда ему вручал Хрущев, а когда генсеком стал Брежнев, деду было уже 93 года. Умер он в возрасте 96 лет, пережив трех царей и четырех коммунистических лидеров, четыре войны и две революции, репрессии тридцатых годов и оттепель шестидесятых и вылечив за свою долгую жизнь несметное число детей разного возраста из различных социальных слоев. Потом он лечил детей своих повзрослевших пациентов, их внуков и правнуков. Его считали своим доктором и спасителем люди по меньшей мере четырех поколений.

У деда была большая семья, но мне единственному из шести его внуков и внучек, посчастливилось прожить вместе с ним более 30 лет, от моего рождения в 1937-м до его смерти в 1969 году. К сожалению, в молодости мы часто бываем глупы и недалёковидны. В школе, будучи активным пионером-ленинцем, как все дети того времени, я был поглощен интересами своего класса и пионерской организации, а затем, став старшеклассником и студентом, окупнулся в мир спорта, учёбы и первых романов и поэтому не проявлял должного внимания к своему деду, мало интересуясь его жизнью. Повзрослев, я несколько раз попытался спровоцировать деда на воспоминания и записать их на магнитофон. Но толку из этого не получилось. С одной стороны, занятый своими проблемами, я был недостаточно настойчив, а с другой – дед не очень любил вспоминать и записывать события своей жизни. Возможно, причиной этого были те страшные годы, когда за высказанную правду можно было запросто сгинуть в лагере. Кроме того, он был очень занятым человеком и, целиком посвятив себя медицине, старался не тратить своё время попусту. Мне удалось найти лишь короткие записки, сделанные дедом во время Великой Отечественной войны и после неё. Кое-что о своей жизни он рассказал Ольге Алексеевне Чумаевской, которая тридцать пять лет тому назад, в 1973 году, опубликовала небольшую брошюру о Г. Н. Сперанском. Зато у меня сохранились старые альбомы с множеством фотографий, собранных дедом в разные годы, и его комментарии ко многим из них. Эти пожелтевшие снимки позволили воссоздать некоторые эпизоды из жизни деда, бабушки и окружавших их людей.

Я, как и мой дед, стал медиком, и в течение 12 лет учился и работал на кафедре детской хирургии в том же институте, где дед заведовал кафедрой педиатрии. Тем не менее я бывал

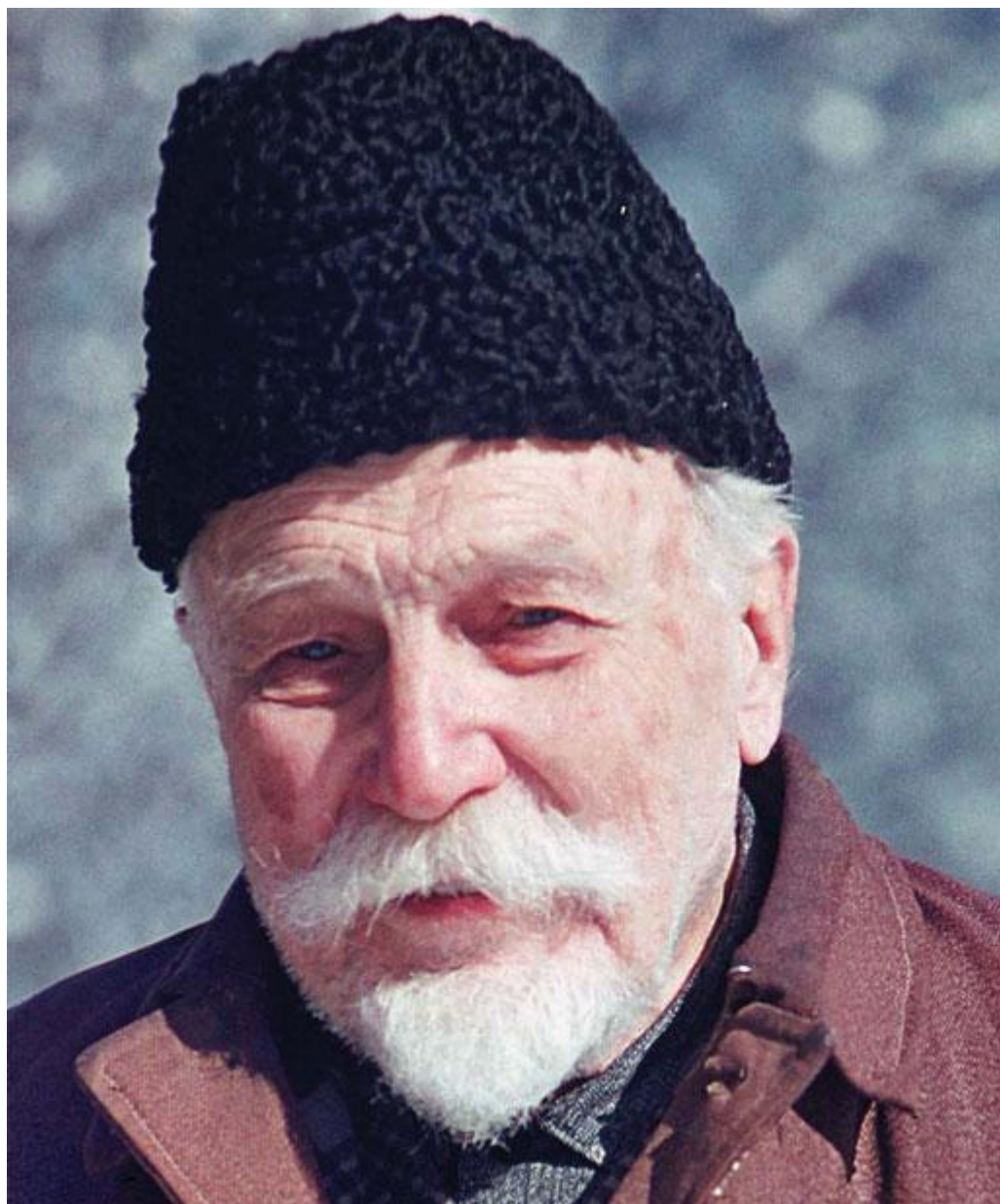
на его обходах и лекциях лишь считанное число раз и потому не могу подробно описывать профессиональную работу Г. Н. Сперанского. За меня, к сожалению очень кратко, это сделали Ольга Алексеевна Чумаевская и, отчасти, Вячеслав Александрович Таболин. Кроме того, мне попались короткие печатные и рукописные воспоминания о Георгии Несторовиче его коллег, пациентов и учеников, посвященные различным датам его жизни (А. И. Баландер и М. Я. Пуковская, М. М. Райц, В. А. Жорно, С. Г. Звягинцева, Е. М. Фатеева, В. А. Таболин и Ю. Е. Вельтищев, С. Н. Куманина-Декапольская). Выдержками из этих воспоминаний я позволил себе воспользоваться, естественно, ссылаясь на авторов, большинства из которых уже давно нет на этом свете. Я не ставил перед собой задачу осветить историю становления советской педиатрии, хотя совсем не касаться этого вопроса было невозможно, так как мой дед был связан с ней самым тесным образом. Прежде всего мне хотелось рассказать о Георгии Несторовиче и его жене Елизавете Петровне как о моих бабушке и дедушке, с которыми я на протяжении многих лет встречал каждое утро и каждый вечер садился ужинать дома в Москве или на даче в Деденеве и с которыми провел в путешествиях на юг и в Прибалтику немало летних месяцев. Мне казалось важным написать также и о семье Сперанских, и о людях, которые их окружали, так как без этого трудно создать живой образ человека.

Теперь, на склоне лет, я всё чаще вспоминаю о своём деде. Я остался перед ним в долгу за счастливое детство и юность, за выбор любимой профессии, за всю мою благополучную жизнь. Свой долг, хотя бы частично, я попытался оплатить этой книгой.

Алексей Овчинников



Рис. Андрея Крылова



Г. Сперанский

Глава 1

Род Сперанских. Рождение Гони Сперанского

Моя мать, Наталья Георгиевна, была младшей дочерью Георгия Несторовича Сперанского, в семье которого я и вырос. Фамилию «Сперанский» носили, как правило, лица духовного происхождения, и основой её был латинский глагол «spero» – надеяться, так что в русской транскрипции она соответствовала фамилии «Надеждин» или «Надеждинский». Сразу замечу, что к знаменитому графу М. М. Сперанскому, другу и советнику Александра I, род моих предков никакого отношения не имел. Мой дед оставил после себя несколько альбомов семейных фотографий, ряд документов и очень короткие, отрывочные воспоминания, из которых мне известно, что его дед, Михаил Алексеевич Сперанский, был священником в церкви Св. Ермолая на Садовой-Кудринской улице в Москве. У Михаила Алексеевича Сперанского было пять сыновей и три дочери, и только один из сыновей, Василий, пошел по стопам отца. Он был священником в нескольких московских церквях. В «Воспоминаниях» книгоиздателя М. В. Сабашникова (1871–1943) священник Василий Михайлович Сперанский упоминается в качестве настоятеля церкви в Сетуни [1]. Затем он служил в церкви «Большое Вознесенье» на Малой Никитской, известной тем, что в ней венчался Пушкин. Позже он стал настоятелем церкви «Успения на Вражке» в Газетном переулке, построенной в 1860 году на средства нашего дальнего родственника, Сергея Афанасьевича Живаго, дяди моего прапрадеда по отцовской линии Василия Ивановича Живаго. По воспоминаниям другого моего дальнего родственника, врача и путешественника Александра Васильевича Живаго (1860–1940), «...торжественность службы, благочиние, порядок и чистота... сделали этот храм излюбленным не только для прихожан, но и для весьма многих аристократических семейств Москвы. Обедни начинались поздно, пение было превосходно, нередко в числе певцов здесь слушали выдающихся оперных артистов, и Газетный переулок бывал запружен экипажами, свозившими сюда богомольцев даже с далеких окраин широко раскинувшейся Первопрестольной. Замечу, кстати, что, когда хоронили почившего отца настоятеля Василия Михайловича, съезд почитателей его был так велик, что далеко ещё не все сели в экипажи при выходе из церкви, когда головной конец с гробом почившего уже был на пересечении Кузнецкого Моста и Большой Лубянки...» [2]. Василий Михайлович был очень образованный человек с философским уклоном. Он оставил после себя интересные записки, которые были переданы одним из его племянников для хранения в Исторический музей. Старшие сыновья Василия Михайловича, Александр Васильевич и Николай Васильевич, химик и историк, были учителями и друзьями братьев М. В. и С. В. Сабашниковых, и сведения об их жизни, научной и педагогической деятельности я также смог почерпнуть в воспоминаниях М. В. Сабашникова.

Отец моего деда, Нестор Михайлович, был третьим по старшинству среди многочисленных детей Михаила Алексеевича Сперанского. Он родился 24 февраля (по старому стилю) 1827 года и после окончания семинарии, как сказано в аттестате, «освободился от духовного звания». В 1845 году после соответствующего экзамена поступил в Московский университет на медицинский факультет. Окончил его он в 1850 году и был утвержден в степени лекаря и звании уездного врача, что подтверждается хранящимися у меня документами, выданными Московским университетом за подписью ректора Аркадия Альфонского и декана Николая Анке.

В том же году, согласно его воинскому аттестату, Нестор Михайлович поступил на военную службу батальонным лекарем в «Гренадерский, Его Королевского Высочества Принца Евгения Вюртембергского» полк. В 1853–1856 годах он принял участие в Севасто-

польской кампании и был в походе против союзников в Крыму, находясь при сосредоточении войск в окрестностях Перекопа в 1855 году, Симферополя и Карасу Базара – в 1856 году. В мирное время вместе с различными полками, в которые его неоднократно переводили «по воле начальства», он путешествовал по различным городам и селам царской России, что тогда бывало почему-то очень часто. Военные части помещались по прибытии в казармах, если последние были в том или ином городе, или же в частных домах. Мой дед вспоминал, что в детстве ему приходилось нередко видеть на воротах некоторых домов небольшие жестяные вывески с надписью «свободен от постоя». Это значило, что в этом доме не могут быть помещены военные по прибытии воинской части в тот или иной населенный пункт. Своего дома у лекаря Сперанского никогда не было.

В 1873 году Нестор Михайлович вместе с семьёй, состоящей из жены, Александры Егоровны, урожденной Знаменской (1840–1916), и двух детей – Николая и Михаила, жил временно в доме своего отца около церкви на Садовой улице. Это был небольшой деревянный дом, какие строились обыкновенно при церквях для причта. В мезонине этого дома 7 (19 по новому стилю) февраля 1873 года родился мой дед. Вскоре после рождения третьего сына Нестор Михайлович должен был поехать вместе с 1-м драгунским полком, где он в то время служил, в город Кашин Тверской губернии. Через два года оттуда он был переведен в Тверь, и там семья Сперанских прожила больше десяти лет. «Мы поселились, – написал в своих воспоминаниях дед, – в небольшом деревянном доме с мезонином на Солодовой улице, которая находилась на окраине города и одним концом выходила на шоссе, ведущее к вокзалу бывшей Николаевской, а теперь Октябрьской железной дороги». Дед показал мне этот дом в 1959 году, когда мы ездили с ним на машине в г. Калинин, как тогда называлась Тверь. Судя по старым фотографиям, город очень мало изменился за 85 лет!

Из этого дома Нестор Михайлович уехал на Русско-турецкую войну. Отъезд отца на войну и его возвращение дед описал в своих воспоминаниях: «Я отлично помню 1 августа 1877 года, когда отец, живший с нами в Твери и работавший в качестве старшего врача драгунского полка, отправлялся на Русско-турецкую войну и прощался с семьей. Он подводил каждого из сыновей к иконе, висевшей в зале, благословлял и целовал. Старшему брату Николаю в это время было уже около 17 лет, брату Михаилу было около 14 лет и мне было 4 года. Я помню фигуру матери, которая со слезами на глазах смотрела на эту сцену. Эти необычные действия отца и слезы матери произвели на меня глубокое впечатление, не изгладившееся до сих пор. Остался у меня в памяти и этот зал, и большой цветок филодендрон с крупными прорезными листьями, который стоял в этом зале». По данным своего аттестата, Нестор Михайлович во время военных действий «состоял в Каларажском отряде на Дунае, против крепости Силистрии, в Ольшеницком отряде против крепости Туртукай. По прибытии в деревню Магалу, поступил в состав войск осаждавших город Плевну. После падения Плевны вошёл в состав отряда, оборонявшего Шипку под начальством генерал-лейтенанта Радецкого». В последнем периоде кампании «под командованием генерал-лейтенанта Скобелева 2-го, 28 декабря 1877 года участвовал в сражении под Шейновым и Шипкой. Состоял в 1-м кавалерийском отряде при наступлении от Казанлыка к Адрианополю» и в других местах известных сражений.

Спустя год Нестор Михайлович вернулся. «Возвращение отца с войны, – написал дед, – запечатлелось в памяти в виде какого-то радостного события: отец вошел в парадное крыльцо нашего дома, вслед за ним вошел денщик, который был с ним на войне, у ворот стояла телега, нагруженная вещами, которые тоже были с отцом на войне. Среди этих вещей был железный складной стул, который отец возил с собой в походы... Затем, помнится, в этот же день шли войска, которые проходили по улицам, а на улицах стояли столы, покрытые скатертями и уставленные всякой едой и питьем – тверские жители радостно встречали

возвратившихся с войны солдат. В памяти остались мотив и слова песни, которую пели солдаты, возвращавшиеся в Тверь:

*«Вспомним, братцы, как сражались
Мы под Шипкой в облаках...»*

За участие в военных сражениях и долгую, честную службу Нестор Михайлович был награжден орденами Св. Владимира III и IV степени с мечами, Св. Анны II степени, Св. Станислава II степени с Императорскою короною и III степени, бронзовыми медалями за кампании 1853–1856 и 1877–1878 гг., Румынским железным крестом. В 1889 году он по выслуге лет вышел в отставку, но остался членом «Бесплатной лечебницы военных врачей в Москве» и продолжал в течение ряда лет прием больных, получил звание почетного члена этой лечебницы и в 1906 году – чин действительного статского советника.

Нестор Михайлович, по словам деда, был очень добрым, скромным, сердечным человеком, безукоризненно честно относившимся к принятым на себя обязанностям, склонным видеть только хорошее во всех людях, имевших с ним дело. Он интересовался художественной литературой, много читал, любил природу, был несколько застенчив и молчалив в обществе. Свои качества и способности он определенно недооценивал. Долголетняя семейная жизнь его протекала вполне счастливо. В 1909 году Нестор Михайлович и Александра Егоровна отпраздновали свою золотую свадьбу, и только потеря дочери, умершей пяти лет от туберкулезного менингита, и старшего сына, погибшего от острого аппендицита, были тяжелыми событиями в их жизни. «В нашей семье, – написал дед, – никогда не было, по крайней мере на моей памяти, ссор, никогда не применялось никаких наказаний детей...».

Нестор Михайлович скончался в Москве в 1913 году в возрасте 86 лет. За четыре года до этого, 26 октября 1909 года, он написал письмо-завещание, в котором распорядился о своих похоронах и о своём небольшом капитале и закончил его следующими словами: «... Простите меня по-христиански, молитесь за мою грешную душу, поминайте, или хоть вспоминайте меня, живите дружно и любите друг друга, как любил Вас Нестор Сперанский». Похоронен он был, согласно его желанию, на Дорогомиловском кладбище, на месте которого сейчас находится гостиница «Украина».



Михаил Алексеевич Сперанский, протоиерей церкви Св. Ермолая на Садовой улице в Москве





Сыновья Михаила Алексеевича Сперанского. **Сверху:** военный лекарь Нестор Михайлович. **Снизу:** священник Василий Михайлович



Нестор Михайлович Сперанский-



Александра Егоровна Сперанская, урожденная Знаменская



Нестор Михайлович Сперанский (1827–1913 гг.)



Александра Егоровна Сперанская (1840–1916 гг.)

А Т Т Е С Т А Т Ъ

№ 887.
По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, отъ Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, сыну Слѣдственнаго, Нестору Сперанскому, въ томъ, что онъ, въ Январѣ мѣсяцѣ 1845 года, по увольненіи его изъ духовнаго званія, принять былъ, по экзамену, въ число Студентовъ сего Университета, гдѣ при отличномъ поведеніи, окончилъ курсъ по Медицинскому Факультету, на казенномъ содержаніи, и за оказанные имъ удовлетворительные успѣхи, опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта, 7 сего Іюня состоявшимся, утвержденъ въ степени Лѣкаря. Данъ въ Москвѣ. Іюня 20 дня 1850 года.

Ректоръ Университета, Дѣйствительный

Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *отрядъъ еисарскій*

Деканъ Медицинскаго Факультета,

Статскій Совѣтникъ *Николай Анис.*

Секретарь Совѣта

Александръ Миллеръ

У сего Аттестата ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА Московскаго Университета печать.





Нестор Михайлович и Александра Егоровна с сыном Колей (1861 г.)



Александра Егоровна, с сыновьями: Михаилом (стоит), Николаем (сидит справа) и Георгием (сидит внизу) (Июль 1877 г.)



Тверь. Дом на Солодовой улице, в котором более 10 лет жили Сперанские



Николай Несторович Сперанский (1860–1908 гг.)



Михаил Несторович Сперанский (1863–1938 гг.)

Глава 2

Детство и юность Гони Сперанского. Переезд из Твери в Москву. Знакомство и дружба с семьёй Филатовых

Итак, местом рождения моего деда была Садовая-Кудринская улица Первопрестольной, где-то недалеко от теперешнего американского посольства. Первой воспитательницей деда, по его словам, была младшая сестра его матери, Анна Егоровна, старая дева, жившая в семье Сперанских. Она же учила его первой азбуке. Далее дед вспоминал: «А для надзора за мной у нас всегда был вместо няньки денщик, который ходил со мной гулять, занимал меня. Эти денщики одно время довольно часто менялись, но один, которого почему-то звали Иваном, хотя на самом деле он был Сидор Красномясов, жил у нас долгое время. Он был плотник и столяр и у него и мои старшие братья, и я учились столярному мастерству. Мы все понемножку этим делом занимались. По-видимому, любовь к столярному ремеслу во мне была заложена этим самым денщиком Иваном».

Гоня Сперанский, как тогда звали деда, начал свою учебу в Твери, где проучился до третьего класса, а в 1885 году его отца перевели в Москву. Там Сперанские сняли квартиру в небольшом двухэтажном доме на углу Ружейного переулка и Смоленского бульвара. В Москве Гоню приняли в третий класс 2-й Московской прогимназии. Здесь не всё было гладко: инспектор прогимназии невзлюбил горячего и самолюбивого мальчика и часто наказывал его, а ссора с учителем греческого языка явилась причиной того, что его оставили в четвертом классе на второй год. В 1888 году ему удалось перевестись в 5-ю мужскую гимназию, где учение наладилось. Директором этой гимназии в то время был профессор греческого языка Московского университета А. Н. Шварц, который впоследствии стал министром народного просвещения. По словам деда, он был «прекрасный преподаватель, но весьма резкий в обращении с гимназистами». Особенно хорошо Гоня успевал по математике и физике. В пятом классе гимназии он даже взялся подготовить по этим предметам ученика в третий класс реального училища. Химию, которой в классической гимназии уделяли значительно меньше времени, они решили изучать совместно.

В гимназии Георгий познакомился и подружился с братьями Филатовыми – Николаем и Всеволодом и стал бывать в их доме. Их отец, известный детский врач Нил Фёдорович Филатов (1846–1902), оказал большое влияние на выбор профессии Георгия и его дальнейшую жизнь. Дело в том, что, увлекаясь в старших классах математикой, по окончании гимназии он колебался, поступить ли ему на медицинский или математический факультет. В доме Филатовых на Девичьем поле, который стоял недалеко от Хлудовской детской больницы (теперь детская клиника ММА имени И. М. Сеченова), и на их Кунцевской даче собиралось много молодежи, было шумно и весело. Нил Фёдорович был очень общительный и разносторонний человек, любящий литературу, искусство и спорт. Это привлекало к нему людей, среди которых были профессора университета, артисты Малого театра и, особенно, студенческая молодежь. «Как живо я вспоминаю сейчас, – писал Георгий Несторович в 1952 году в статье, посвященной памяти Н. Ф. Филатова [3], – своё общение с этим суровым и даже резким на первый взгляд, но по существу добрым и обаятельным человеком! Первый раз я увидел его зимой 1890 года. Нил Федорович показался мне тогда очень суровым. Это впечатление рассеялось, когда спустя полтора года мне приходилось часто бывать у Филатовых на даче в Кунцеве. Нил Фёдорович приезжал туда к вечеру, усталый после долгого трудового дня. Несмотря на усталость, он с большим увлечением играл с молодежью в городки,

а потом устроил первую теннисную площадку, что было тогда новинкой. С тех пор моя связь с этой замечательной семьёй всё укреплялась». Близкое знакомство с таким человеком не могло не сказаться на решении Георгия Сперанского при поступлении в университет. Он выбрал медицинский факультет.

Георгий Несторович начал свою учёбу в Московском университете в 1893 году, когда на медицинском факультете на всех кафедрах преподавали выдающиеся профессора: А. А. Остроумов, Н. Ф. Филатов, Г. А. Захарьин, С. С. Корсаков, А. А. Бобров, И. М. Сеченов, В. Ф. Снегирев, А. Я. Кожевников. Обо всех своих учителях дед вспоминал с большой любовью и уважением, но любимыми предметами стали для него детские (профессор Н. Ф. Филатов) и нервные (профессор С. С. Корсаков) болезни. Помимо учебы, дед начал активно заниматься общественной работой. «Организаторские стремления появились у него ещё во время студенчества, – пишут о Г. Н. Сперанском А. И. Баландер и М. Я. Пучковская [4]. – В Москве существовало в то время Гигиеническое общество, председателем которого был Варнава Ефимович Игнатьев; при этом обществе была комиссия по устройству площадок (для игр на открытом воздухе для детей ремесленников и рабочих. – **А. О.**) под председательством Александра Андреевича Киселя». В 1895 году студент третьего курса Георгий Сперанский, будучи членом этой комиссии, «взялся заведовать площадкой на Девичьем поле и выполнил это дело блестяще: собрал деньги на планировку и устроил каток» там, где теперь находится стадион Московской медицинской академии. На катке был небольшой домик-теплушка, где можно было раздеться, оставить одежду и отдохнуть. «Трогательная благодарность от посетителей катка на Девичьем поле, – пишут далее А. И. Баландер и М. Я. Пучковская, – гласит: «Благодаря Вашей заботливости катанье на коньках – развлечение полезное и приятное само по себе – было обставлено на Вашем катке такими удобствами, которые составили ему особую прелесть и привлекательность...». Сам Георгий Несторович очень хорошо катался на коньках и, будучи гимназистом пятого класса, получил приз на конькобежных соревнованиях. Вместе с собиравшейся на этом катке молодежью дед начал заниматься и лыжным спортом, совершая лыжные походы на находившиеся неподалёку Воробьевы горы. Летом на месте катка были устроены теннисные корты, одни из первых в Москве. Комиссия по устройству площадок для детских игр была преобразована позже в «Общество физического воспитания детей и подростков». Сперанский был одним из основателей этого общества. Но этим его общественная деятельность не ограничивалась. «Когда я был студентом пятого курса, – вспоминал дед, – Нил Федорович предложил мне быть его помощником по работе казначея XII Международного съезда врачей, проходившего в Москве в 1897 году».

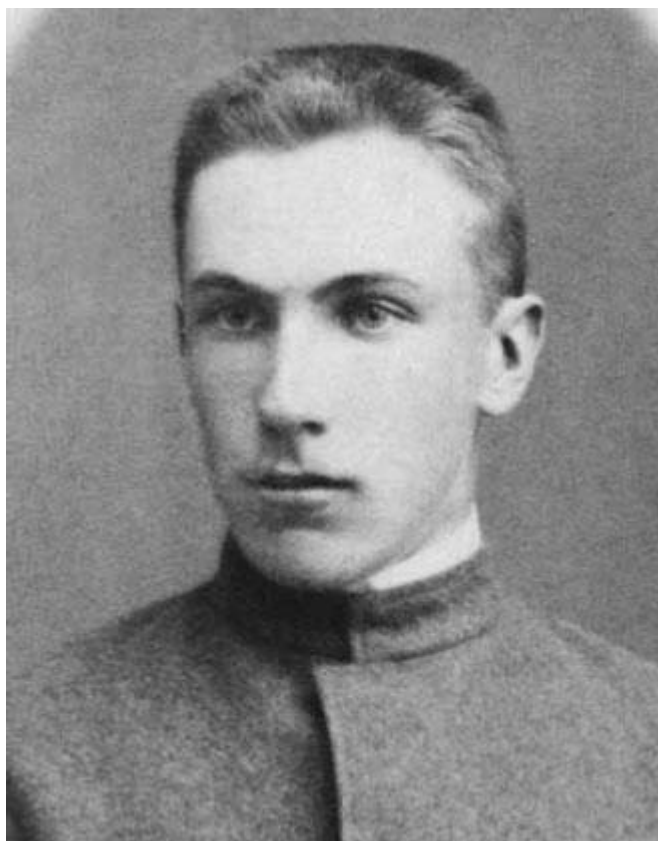
Одновременно с этим, но уже для заработка, Георгий нанимался репетитором в семьи богатых людей и одно лето на велосипеде регулярно ездил в Узкое, подмосковное имение московского губернского предводителя дворянства Петра Николаевича Трубецкого (1858–1911), где занимался математикой с его сыновьями Владимиром и Николаем. Об этом факте дед рассказывал сам, когда уже в советское время отдыхал в санатории АН СССР «Узкое», а спустя много лет я смог прочитать об этом и в воспоминаниях Е. В. Власовой, внучки дедовского приятеля доктора А. В. Власова, который вместе с дедом «репетиторствовал» у Трубецких [5]. Позже Сперанский стал предпочитать заработок по медицинской профессии и летом после предпоследнего курса замещал земского врача в Сухаревской (Московского уезда) земской больнице, существующей и поныне. Причем добирался он до села Сухарево, расположенного по Дмитровской дороге в 40 километрах от Москвы, на лошадях, так как Савеловская железная дорога была открыта несколькими годами позже.

В семье Филатовых мой дед не только определил профессию своей жизни, но и познакомился со своей будущей женой – племянницей Нила Федоровича Лизой Филатовой. Они поженились в 1898 году, когда дед окончил университет. Говорят, что вначале он ухаживал за дочерью Филатова, Натальей, или, как её звали в семье, Налей, но безуспешно. Возможно,

в связи с этим свою младшую дочь, мою мать, Сперанские называли Натальей, а сокращенно всю жизнь звали Налей. С Елизаветой Петровной дед прожил в полном согласии шестьдесят лет. Она родила ему двух сыновей и двух дочерей и всю их нелегкую жизнь была его главным другом и помощником. Поэтому я считаю необходимым в следующих главах подробно рассказать и о моей бабушке Елизавете Петровне Сперанской.



Гоня Сперанский – ученик 1 класса, 10 лет (1883 г.)



Гоня Сперанский – ученик 5-й Московской гимназии, 17 лет (1890 г.)



Георгий Сперанский – выпускник гимназии (1893 год).



Георгий Сперанский – студент медицинского факультета Московского университета



«Двухэтажный дом на углу Ружейного переулка и Смоленского бульвара, где мы жили в 1885 году, когда переехали в Москву из Твери» (комментарии Г. Н. Сперанского)



«Вид этого же дома со стороны двора. Наверху светёлка из двух комнат, где мы жили с Мишей. Первые пять окон – квартира. Мне шел тогда 12-й год. Я учился во втором классе прогимназии на Якиманке» (комментарии Г. Н. Сперанского). Фото С. Г. Сперанского в начале 60-х годов XX века. Вскоре дом был снесен.



Выпускники 5-й Московской гимназии (на углу Молчановки и Поварской ул. (1893 г.).
Сидят: Траустель, Метнер, Шернваль, Филатов, классный наставник, учитель латыни А. Г. Штефко, Сперанский, Писарев, Львов, Фоминский, Дьячков. **Стоят:** Орлов, Александровский, Шапиро, Ермолаев, Каменский, Успенский, Тоихес, Шиманский



Студенты медицинского факультета Московского университета (1897 г.). **1 ряд:** Николай Кисляков, Борис Житков, Павел Кисляков, Всеволод Филатов. **2 ряд:** Георгий Сперанский, Владимир Филатов. **3 ряд:** Леонид Шернваль, Николай Филатов, Семён Нецветаев. Снято в университетской клинике нервных болезней



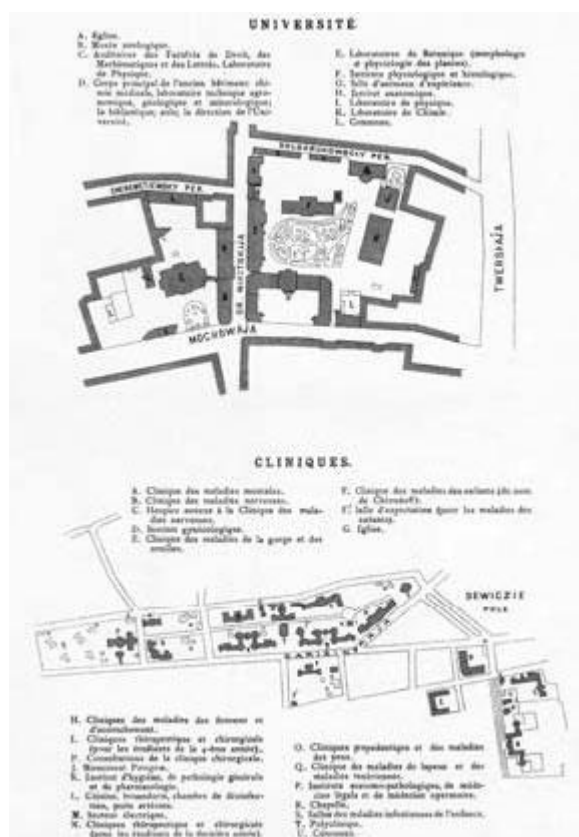
Подпись на обороте фотографии: «Знаменитому лаун-теннисисту от достойного соперника 94.13X. – Н. Ф. Филатов»



Нил Федорович Филатов на своей даче в Кунцево (приблизительно 1894–1896 гг.)



Пригласительный билет на XII международный Конгресс врачей в Москве в 1897 году
На этом Конгрессе Георгий Сперанский помогал Н. Ф. Филатову в работе казначея



Планы зданий Московского Университета на Моховой улице и клиник на Девичьем поле, где проходила работа Конгресса (задняя сторона пригласительного билета)



Москва. Девичье Поле



Каток на месте детской площадки на Девичьем Поле, организованной Георгием Несторовичем Сперанским по поручению АА. Киселя



На велосипеде Георгий Несторович ездил в имение Трубецких «Узкое», где работал репетитором



Узкое. Главный дом. Фото Г. Н. Сперанского (1898 г.)

Глава 3

Филатовы. Женитьба на Елизавете Петровне. Первые годы супружеской жизни

Сначала немного истории. Лиза Филатова родилась в декабре 1877 года в имении своего отца Петра Федоровича Филатова в селе Михайловка Саранского уезда Пензенской губернии. Петр Федорович был небогатым помещиком, живущим с продаж зерна, выращенного на принадлежавших ему землях. Он имел медицинское образование, работал земским врачом и успешно занимался частной практикой. Петр Федорович много путешествовал. Его перу принадлежит весьма оригинальное описание путешествия по Персии, которая в XIX веке относительно редко посещалась европейцами [6]. В 1903 году он работал врачом на строительстве Маньчжурской железной дороги на Хинганском перевале. Во время Русско-японской войны он получил место главного хирурга военно-полевого госпиталя в Мукдене под руководством главноуправляющего Красным Крестом князя Васильчикова, к которому, по утверждению А. Н. Крылова, двоюродного брата бабушки, попал благодаря общему с князем увлечению охотой и борзыми собаками [7]. Мать бабушки Вера Семеновна Филатова была отличной хозяйкой и кулинаркой. У меня хранится составленное ей кулинарное руководство «Новое пособие хозяйкам: Домашний стол и хозяйственные заготовки», изданное в 1910 году, которое остается очень интересным и полезным и в наше время [8].

Школьные годы юной Лизы Филатовой прошли на Волге в г. Симбирске (теперь Ульяновске), где она училась в городской гимназии. После того как её родители, разорившись, были вынуждены продать свое имение, она вместе с братом Володией переехала в Москву к своему дяде Нилу Федоровичу Филатову, известнейшему детскому доктору, основоположнику отечественной педиатрии. Здесь Лиза поступила в Московский Елисаветинский институт для благородных девиц, который окончила в 1895 году, получив специальность детской учительницы. Как сказано в её сохранившемся до наших дней аттестате, с «отличными и весьма хорошими» отметками по Закону Божьему, русскому языку и словесности, французскому и немецкому языку, математике, географии и истории, естествоведению и педагогике...», «сверх того, она обучалась рисованию, чистописанию, музыке, танцеванию (написано, как в оригинале. – **А. О.**), рукоделиям и домашнему хозяйству и при выпуске удостоена награждения книгою с надписью». В семье Нила Федоровича она и познакомилась со своим будущим мужем, любимым учеником Нила Федоровича Георгием Несторовичем Сперанским, вхожим в его дом, всегда полный молодежи. К золотой свадьбе, отпразднованной Сперанскими в 1948 году, двоюродный брат Елизаветы Петровны Виктор Борисович Филатов подарил юбилярам свои краткие воспоминания об их общей юности. Приведу выдержки из этой рукописи. «Этот кружок молодежи создан в доме дорогого нам всем Нила Федоровича Филатова – дяди Нила – и расцветал при его обаятельном, ласковом участии и под его руководством. Разница в возрасте несколько не препятствовала нашему общению с дядей Нилом. Он был молод душой, и мы чувствовали его членом нашего кружка молодежи. Одним из увлекательных занятий кружка было сочинение стихов. Каждый из членов кружка должен был выявить своё поэтическое дарование. Сборник стихов составлялся редакцией в составе Владимира Петровича (брата Елизаветы Петровны. – **А. О.**) и Всеволода Ниловича (сына Нила Федоровича. – **А. О.**) Филатовых. Наш юбиляр Георгий Несторович принимал активное участие в составлении сборника, ...направление которого должно было быть сатирическое. Участие Елизаветы Петровны в кружке молодежи было иное, чем Гони: она не писала стихов, но вдохновляла членов кружка и пробуждала их поэтические дарования. Её имя часто упоминается в произведениях «поэтов», к ней обращены различные письма, сти-

хотворения и приветствия». Редакция сборника оповещала читателей, что Елизавета Петровна «вышла замуж... и ждет разрешения новым поэтическим бутеном, который, как надеется редакция, любезно согласится в недалеком будущем украсить страницы сборника своим талантом, который составит из талантливости Георгия Сперанского и незаурядных поэтических задатков, имеющихся у Елизаветы Петровны». Речь шла о вскоре родившейся первой дочери Сперанских Катюше, которую редакция приветствовала таким стихотворением:

*Лишь только вышла из яйца – зад лучше был лица.
Теперь, что лицо, что зад – один разряд.
А через год, глядишь, лицо уж с задом не сравнишь.*

Забегая вперед, скажу, что Екатерина Георгиевна впоследствии оправдала надежды друзей её родителей, так как стала довольно известной писательницей, написав несколько детективных романов на английском языке и издав их в Англии под псевдонимом Кэй Линн.

Елизавета Петровна, даже в молодости, была незаурядной женщиной. Сохранились краткие воспоминания Веры Александровны Жорно, ученицы старшего брата Георгия Несторовича, профессора филологического факультета Московского университета Михаила Несторовича Сперанского, познакомившейся с Елизаветой Петровной в 1914 году: «Елизавета Петровна никогда не была красивой, манеры её были даже несколько угловаты, но, тем не менее, она пользовалась успехом в силу своего тонкого, недюжинного ума, своей свободной, умной и содержательной речи, не лишенной некоторой насмешливости, и широкого образования».

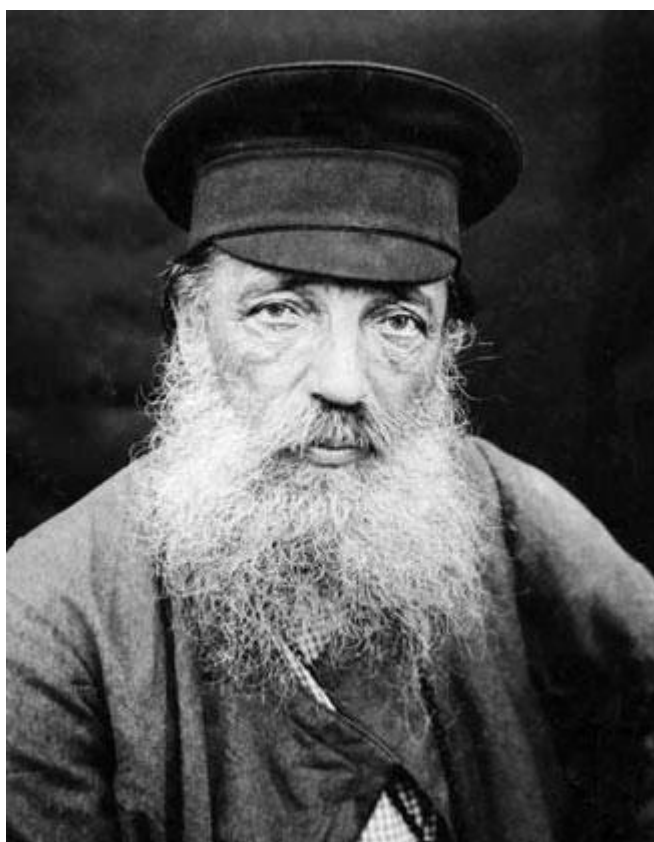
Поженившись в 1898 году, Елизавета Петровна и Георгий Несторович, сняли «небольшую» шестикомнатную (судя по сохранившемуся «Договору о найме») квартиру во 2-м Неопалимовском переулке в церковном доме (дом № 11) недалеко от Зубовской площади, где через год (в 1899 г.) у них родилась дочь Екатерина. В первые годы совместной жизни летние отпуска Сперанские проводили в разных местах Подмосковья. В течение трех лет (1900–1903 гг.) совместно с семьёй профессора Н. И. Побединского они снимали дачу на «20-й версте» Варшавской железной дороги (теперь станция Одинцово). Там в 1903 году у Елизаветы Петровны и Георгия Несторовича родился сын Николай. В 1904 году они провели лето в селе Раменское по Ярославской железной дороге, и в том же году молодая чета с двумя ребятишками, младшему из которых только что исполнился год, вместе со старшим братом Георгия Михаилом Несторовичем совершила путешествие по Волге на пароходах «Петр Великий» и «Великая княгиня Мария Павловна» от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно, о чем свидетельствует большое количество сохранившихся фотографий, к сожалению, сильно выцветших. В Симбирске они посетили могилу матери Елизаветы Петровны, Веры Семеновны Филатовой, на кладбище Покровского монастыря.

Летом 1905 и 1906 гг. семья Сперанских снимала дом у Умановых в деревне Барвиха, куда Георгий Несторович ежедневно ездил с Брестского (ныне Белорусского) вокзала по Усовской ветке, прихватив с собой велосипед, на котором он добирался до деревни от ближайшей к ней станции. Где бы ни жили Сперанские, в выходные дни к ним часто приезжали их молодые родственники и друзья – братья Филатовы, молодые врачи – сослуживцы Георгия Несторовича и его бывшие сокурсники по университету. Дни проходили весело, в играх, шутках и прогулках по красивым местам Подмосковья с ещё неиспорченной в те годы великолепной природой.

Весной 1906 года у Сперанских родился второй сын, которого называли Сергеем. Семья увеличивалась, и Георгий Несторович с Елизаветой Петровной начали подумывать о собственной даче.



Пензенские Филатовы. Сидят слева направо: Михаил Федорович Филатов, Вера Семёновна Филатова, её муж Петр Федорович Филатов, Нил Федорович Филатов, Михаил Нилович Филатов, неизвестная женщина. Стоят: неизвестный мальчик, Николай Федорович Филатов, Борис Федорович Филатов, Федор Федорович Филатов, жена Нила Федоровича Юлия Николаевна Филатова, неизвестный мальчик





Родители Елизаветы Петровны: **Сверху:** Петр Федорович Филатов **Снизу:** Вера Семёновна Филатова (урожденная Нефтелей)



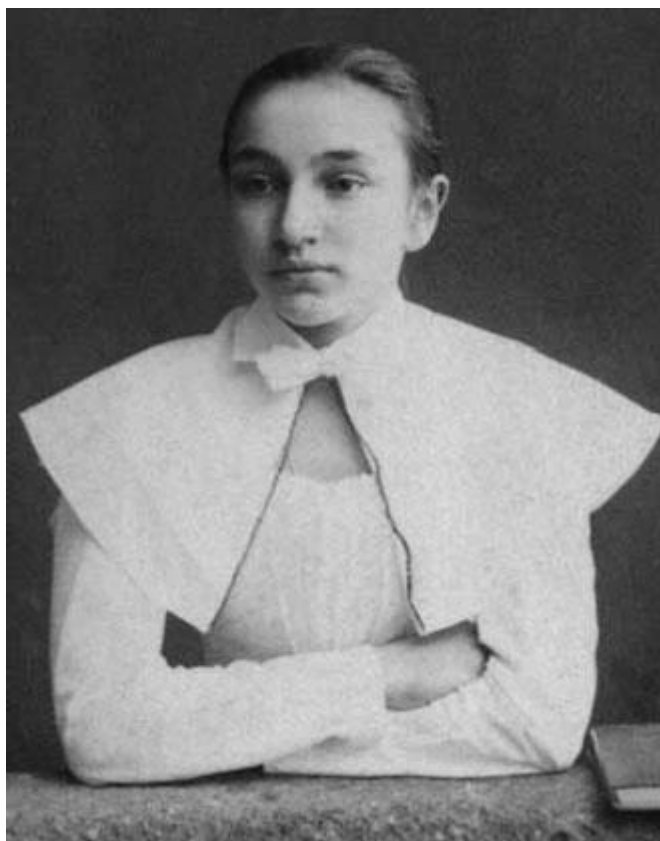
Лиза Филатова и её родители (слева направо): Вера Семеновна и Пётр Фёдорович Филатовы. На коленях отца – Лиза. Ориентировочно 1888–1889 гг.



Петр Федорович Филатов – врач, путешественник, охотник, писатель



Лиза Филатова – при поступлении в институт (1887 г.)



Лиза Филатова – студентка Московского Елисаветинского института (1891 г.)



Лиза Филатова в год замужества (1898 год)



***Сверху:** Г. Н. Сперанский – выпускник Московского Университета. **Снизу:** Е. П. Сперанская – выпускница Московского Елисаветинского института*



Г. Н. и Е. П. Сперанские, П. Ф. Филатов с детьми – Катей и Колей (приблизительно 1905 г.)



«Мадонна с младенцем» – Елизавета Петровна Сперанская с дочерью Катей



Елизавета Петровна и Георгий Несторович. 20-я верста, 1902 г.





В гостях у Сперанских Всеволод Нилович и Владимир Петрович Филатовы. «До и после». 20-я верста, 1902 г.



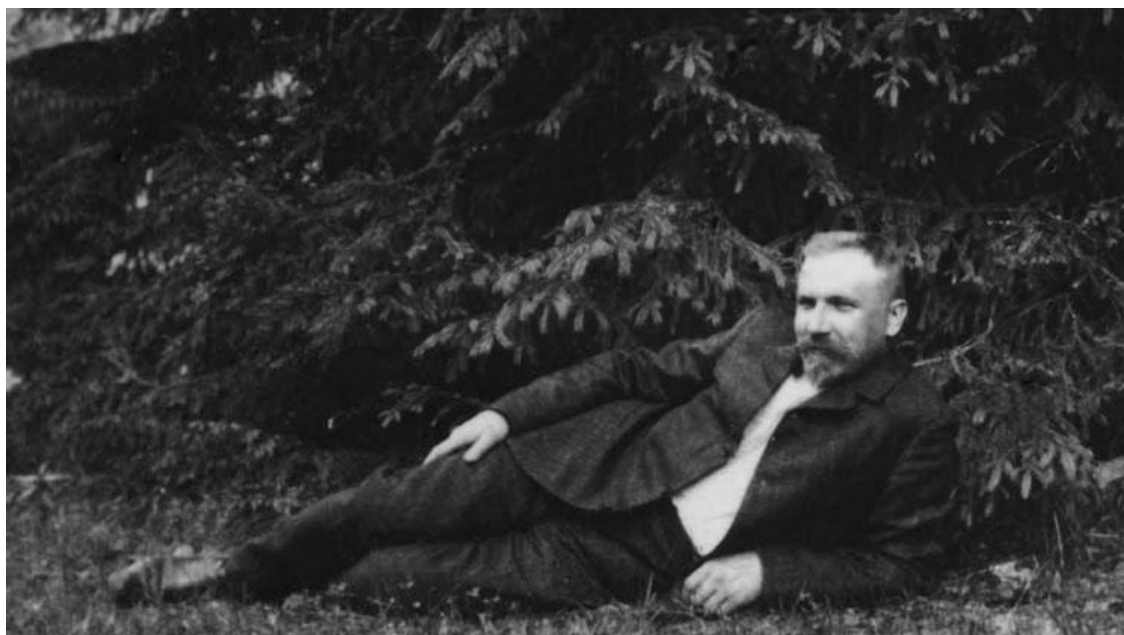
20-я верста. Дом, который снимали Сперанские. В 1903 г. в нем родился Коля



20-я верста, 1903 г. Профессор НИ. Побединский с семьёй. Николай Иванович принимал роды у Елизаветы Петровны



Елизавета Петровна на даче в Раменском (1904 г.)



Георгий Несторович в Раменском (1904 г.)





*Путешествие Сперанских по Волге, 1904 г. **Сверху:** Георгий Несторович на пароходе «Вел. Кн. Мария Павловна». **Снизу:** братья Сперанские на пароходе «Петр Великий»*





*Путешествие Сперанских по Волге, 1904 г. **Сверху:** на палубе парохода «Петр Великий». Катя и Елизавета Петровна с маленьким Колей на руках. **Снизу:** Елизавета Петровна на могиле своей матери в Покровском Монастыре в г. Симбирске*



Деревня Барвиха в 1905 г.

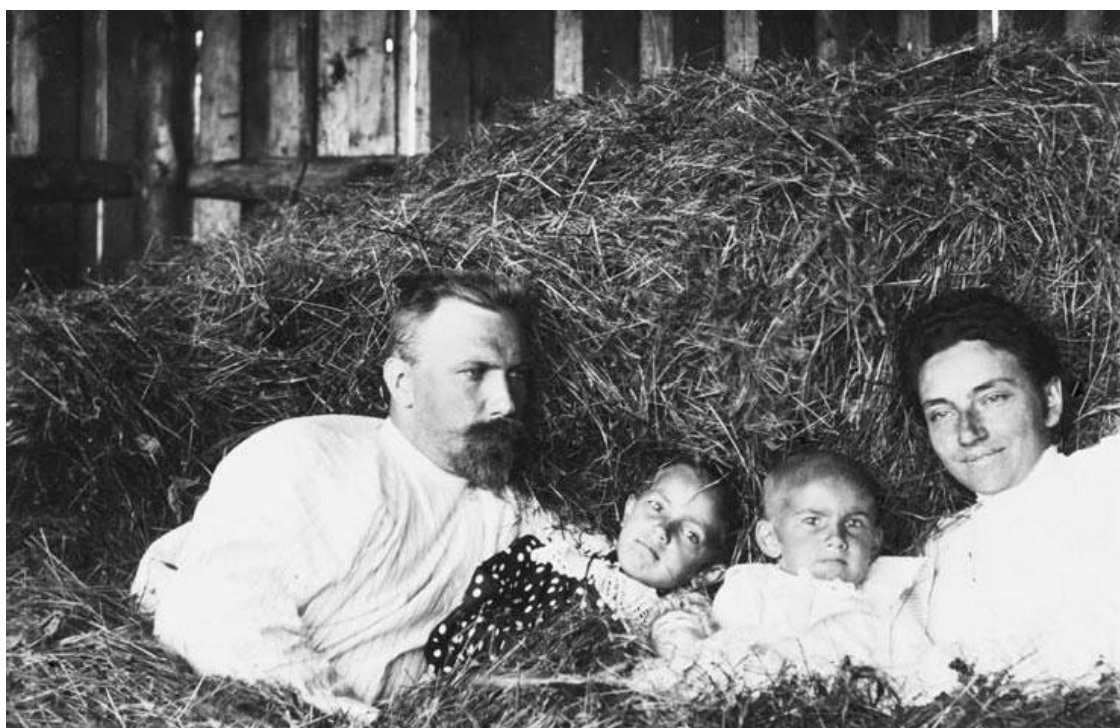


Дом Умановых, где жили Сперанские в 1905–1906 гг. У веранды стоят Катя и Коля





Деревня Барвиха, 1905 г. Елизавета Петровна на крыльце дома и на лодке



Георгий Несторович и Елизавета Петровна с детьми. Барвиха, 1905 г.



Барвиха, лето 1905 г. Елизавета Петровна и Коля



Барвиха, лето 1906 г. У Сперанских родился второй сын Сергей. Елизавета Петровна с сыном и Катя



Георгий Несторович (сидит на земле с ракеткой) после игры в теннис. Барвиха, 1905 г.



Летние развлечения. Игра в крикет. 20-я верста 1903 г.



Коля и Катя Сперанские (Москва, 1905 г.).



Коля и Катя Сперанские (точная дата неизвестна)

Глава 4

Работа в клинике Н. Ф. Филатова. Открытие лечебницы для грудных детей. Знакомство с семьёй Сытиных

Теперь нам нужно вернуться на несколько лет назад, в 1898 год, в котором Георгий Сперанский получил диплом врача. После окончания университета он поступил в ординатуру в руководимую Н. Ф. Филатовым клинику детских болезней на базе детской Хлудовской больницы. Работа вместе с замечательным клиницистом, каким был Нил Федорович, была великолепной школой для молодого доктора. Сперанский не пропускал ни одного обхода, ни одного разбора пациентов, проводимых его любимым учителем. «Незабываемы годы моей ординатуры, которые прошли в тесной близости с великим русским педиатром, — написал дед в своих воспоминаниях об этом периоде своей жизни. — В памяти часто всплывает яркий образ Нила Федоровича, читающего лекции на кафедре или проводящего консилиум у постели больного. Чаше же всего я вижу его за книгой в уютном кресле кабинета или же у большого книжного шкафа». Вместе со своими коллегами ассистентом клиники В. Г. Григорьевым и ординатором С. А. Васильевым он записал и подготовил к печати два тома «Клинических лекций» Н. Ф. Филатова. Эти лекции, отредактированные самим автором, были изданы в 1901 году в типографии А. И. Мамонтова [9] и неоднократно переиздавались в последующие годы. К сожалению, Нил Федорович скончался от инсульта в 1902 году и его смерть совпала с началом самостоятельной врачебной жизни Сперанского. Но то увлечение своей специальностью, то клиническое мышление, ту любовь к маленьким пациентам, которые заложил в нём Н. Ф. Филатов, Георгий Несторович сохранил на всю свою долгую жизнь. После окончания ординатуры он был оставлен в клинике сверхштатным ассистентом, т. е. работал бесплатно. Поэтому он стал одновременно работать школьным врачом в Александро-Мариинском институте благородных девиц Кавалерственной дамы Чертовой на Пречистенке. Кроме того, небольшой доход стала приносить частная практика и консультации новорожденных в акушерской клинике профессора Н. М. Побединского. Об этом периоде жизни Георгия Несторовича написала в своих воспоминаниях С. Н. Куманина-Декапольская. Мне показались они интересными, и я приведу выдержки из них, немного подправив орфографию.

«Я росла болезненным ребенком. Перенесла две скарлатины, оба раза с осложнениями, корь с тяжелым осложнением на уши. Нас всегда лечил профессор Нил Федорович Филатов, который был для нас не только добрым, ласковым доктором, но и любимым дядей, приходившим к нам в детскую играть и забавлять нас с братом и сестрами. В 1896 году совсем молодым, 41 года, умер мой отец. В это время мы все четверо лежали больные скарлатиной. Старшей сестре было 13 лет, брату 11, мне 9 и младшей сестре 6 лет. Нил Федорович приезжал на панихиду по нашему отцу, а потом прошел в детскую. Мы, притихшие и, конечно, не сознававшие всей тяжести свалившейся на нас беды, были какие-то растерянные. Нил Федорович просидел у нас весь вечер, развлекал нас, шутил, учил нас каким-то играм в карты (в некоторые из них я до сих пор люблю играть с сестрой). И вот в 1900 году, кажется в январе, моя младшая сестра вернулась с мамой от нашего дяди и тихо сказала мне, что у неё болит горло. Как только мы легли спать, сестра позвала меня к себе в кровать, сказав, что ей очень холодно и что бы я её согрела. Я легла к ней, но вскоре пришла наша няня, побранила меня и прогнала в свою кровать. На следующее утро мы со старшей сестрой, как всегда, к восьми часам утра пошли в Александро-Мариинский институт на Кропоткинской (в то время Пре-

чистенской) улице, где сейчас помещается Военная академия им. Фрунзе (потом – Академия художеств, теперь – выставочный зал скульптора Церетели. – **А. О.**). В этом институте мы, в виде исключения, были приходящими. В 4 часа дня за нами пришла наша домашняя работница, чтобы вести нас домой (в то время нас одних по улицам не пускали), и сказала, что очень заболела наша младшая сестра, у неё «дифтерит», как сказал Нил Федорович. А мы пойдем через черный ход (так прежде называли второй выход из квартиры, бывший всегда около кухни), пообедаем и, не заходя в квартиру, поедem к нашей замужней двоюродной сестре, жившей на Большой Серпуховской. Мы уехали. И вот через несколько дней заболевает моя старшая сестра: температура, болит горло. Я, как взрослая, пишу письмо и посылаю работницу к Нилу Федоровичу. «Милый Нил Федорович, приезжайте, заболела Нина, у неё болит горло. Соня». Я совсем не думала, насколько занят Нил Федорович, как далеко мы от него уехали (он в то время жил на Девичьем поле). Он прислал мне ответ, что он очень занят, сам приехать не сможет, а приедет его ассистент. И действительно, около 5 часов приехал молодой красивый доктор. Он немного был смущен, увидав вместо ребенка 17-летнюю девушку. Он тщательно её исследовал и успокоил нас, что это не дифтерит. И действительно, через несколько дней мы с сестрой уже опять начали ходить в Институт. Это было моё первое знакомство с Георгием Несторовичем Сперанским.

Через три года сестра вышла замуж и у неё родилась дочь. В то время Нила Федоровича уже не было в живых и сестра всегда обращалась к Георгию Несторовичу. В 1904 году девочка тяжело заболела. Положение было серьёзным. Георгий Несторович был у нас днем. Вечером мы все сидели в столовой, окна которой выходили на улицу. И вдруг в половине десятого звонок. Мы никого не ждали. Входит Георгий Несторович, улыбается и говорит: «Иду мимо, вижу в столовой огонёк, наверно, пьют чай и мне не откажут дать стаканчик». Сидим, говорим о посторонних вещах, а он, как бы между прочим, спрашивает про температуру. Я как раз носила девочку на руках, она вся горела. Он стал прощаться и, как бы невзначай, высказал пожелание посмотреть девочку, после чего дал некоторые указания и ушёл. Девочка вскоре поправилась и впоследствии выяснилось, что история «зашел на огонек выпить стакан чаю» была только очень сильным беспокойством за состояние ребенка и нежелание тревожить родителей.

Таких случаев я могла бы описать очень много, но ограничусь только ещё одним в семье моей двоюродной сестры. В 1906 году, в июле, у неё родился сын, а в августе она заболела брюшным тифом и вынуждена была перевести ребёнка на искусственное питание. В ноябре они жили в своем имении во Владимирской области, где у мальчика развилась тяжелая форма желудочного заболевания. Местные врачи растерялись. Тогда моя тётя, жившая в Москве, попросила Георгия Несторовича поехать с ней к больному внуку. Сперанский согласился и нашёл состояние ребёнка очень тяжелым. Он настоял на том, чтобы отвести ребенка в Москву. До железнодорожной станции было 30 минут езды. Все поехали. В первых санях ехала бабушка с Георгием Несторовичем, в возке ехал отец с больным ребенком, в других санях ехала мать (она не могла ездить в возке). Через каждые 10 минут Георгий Несторович останавливал наш поезд и проверял состояние больного. Таким образом мы довезли мальчика до станции, а затем и до Москвы. Ребенок был спасен, и теперь это здоровый, красивый мужчина 57 лет, работающий на производстве. Георгий Несторович до последних лет никогда не отказывал в помощи всем тяжело заболевшим детям...

Потом я встретила с Георгием Несторовичем в 1905 году в Александро-Мариинском институте, где я училась и куда я поступила работать в качестве классной дамы. Георгий Несторович был врачом в этом институте. Сколько внимания и заботы он проявлял к девочкам, как его все любили за его чуткое, внимательное отношение к ученицам...».

В 1904 году, скопив необходимую сумму денег, Сперанский во время летних каникул впервые отправился за границу. Он побывал в Берлине, где слушал лекции известного

немецкого педиатра профессора Хойбнера (Heubner), а также в детских клиниках Вены и Будапешта. В 1907 году известный акушер А. Н. Рахманов предложил деду постоянное место врача консультанта по детским болезням в родильном доме имени А. А. Абрикосовой, который он возглавлял (после революции – родильный дом им. Н. К. Крупской). Несколько позже этот родильный дом был преобразован в акушерскую клинику Высших женских курсов. При этом учреждении Сперанский организовал первую в Москве консультацию для новорожденных и детей раннего возраста. Она располагалась на Лесной улице в доме № 11. Но его больше всего интересовали дети раннего возраста. В те годы в детские больницы не принимали на лечение пациентов в возрасте до года из-за высокой смертности среди них. На свою просьбу открыть в Хлудовской детской больнице отделение для больных детей раннего возраста Георгий Несторович получил отказ от университетского начальства. Поэтому он был вынужден уйти из этой больницы и 2 ноября 1910 года на благотворительные средства открыл на Малой Дмитровке в доме Катковой (дом № 27) в наемном помещении, приспособленном для этой цели, небольшую лечебницу для больных детей от рождения до двух лет. Это был первый в России стационар для таких пациентов.

Далее предоставим слово самому Сперанскому: «В эту лечебницу однажды я положил ребенка, девочку – дочь Василия Ивановича Сытина, которая была больна тяжелой формой т. н. «токсической диспепсии», дававшей огромную смертность. В условиях лечебницы силами врачей и персонала удалось все-таки спасти ребенка от смерти; у неё остался надолго упадок питания. Это было моё первое знакомство с семьей Сытиных, а в 1911 году и с Иваном Дмитриевичем Сытиным (И. Д. Сытин, 1851–1934, владелец крупнейшего в России книгоиздательства. – **А. О.**). С тех пор я стал другом этой семьи и особенно дружил с Василием Ивановичем (сын И. Д. Сытина. – **А. О.**), который очень интересовался работой нашего учреждения и всегда находил возможность оказать ему помощь. Эта помощь, конечно с разрешения Ивана Дмитриевича, состояла в выполнении тех типографских работ, в которых нуждалась лечебница. Всё это печаталось бесплатно с разрешения Ивана Дмитриевича Сытина. Я прежде часто бывал на квартире у Сытиных на верхнем этаже дома на Тверской; бывал в Поваровке на даче Сытиных. Не забуду вечер, проведенный у меня на квартире, когда Иван Дмитриевич рассказывал о своей жизни, как он мальчишкой работал сначала у сапожника, потом в лавке у букиниста Шарапова, где всё свободное время проводил за чтением книг, как самоучкой проходил среднюю и высшую школу образования в дальнейшем, при общении с писателями, учеными и крупнейшими людьми своего века. Помню и сейчас хранимый у меня сборник «Полвека для книги» [10] (теперь он хранится у нас дома. – **А. О.**). Через два года существования лечебницы для грудных детей мне представился случай перевести её в другой район Москвы, на Пресню, населенную рабочими, в семьях которых было много детей, нуждавшихся в помощи. К этому времени лечебница расширилась до 20 коек. Было основано благотворительное общество, которое помогало её существованию. Лечебница обросла другими детскими учреждениями: молочная кухня отпускала проверенное молоко для детей, смеси для вскармливания детей, были устроены ясли для детей, дом матери и ребенка, показательная выставка по уходу и вскармливанию детей раннего возраста и т. д. Сама лечебница стала называться «Дом грудного ребенка». Число товарищей врачей возросло до 25 человек, которые работали с интересом, учились друг у друга, делились опытом, устраивали конференции по вопросам раннего возраста...».

В 1910 году на Арбатской площади на благотворительные средства помещика Выше-славцева была организована центральная молочная кухня «Детское питание» Московского общества борьбы с детской смертностью. Организатором и заведующим кухней был врач Я. Ф. Жорно. Его супруга Вера Александровна, работавшая там же препаратором, позже стала близкой приятельницей Георгия Несторовича и Елизаветы Петровны Сперанских. Она вспоминает те годы: «В 1913 году на Арбатскую молочную кухню приходил Г. Н. Сперанский,

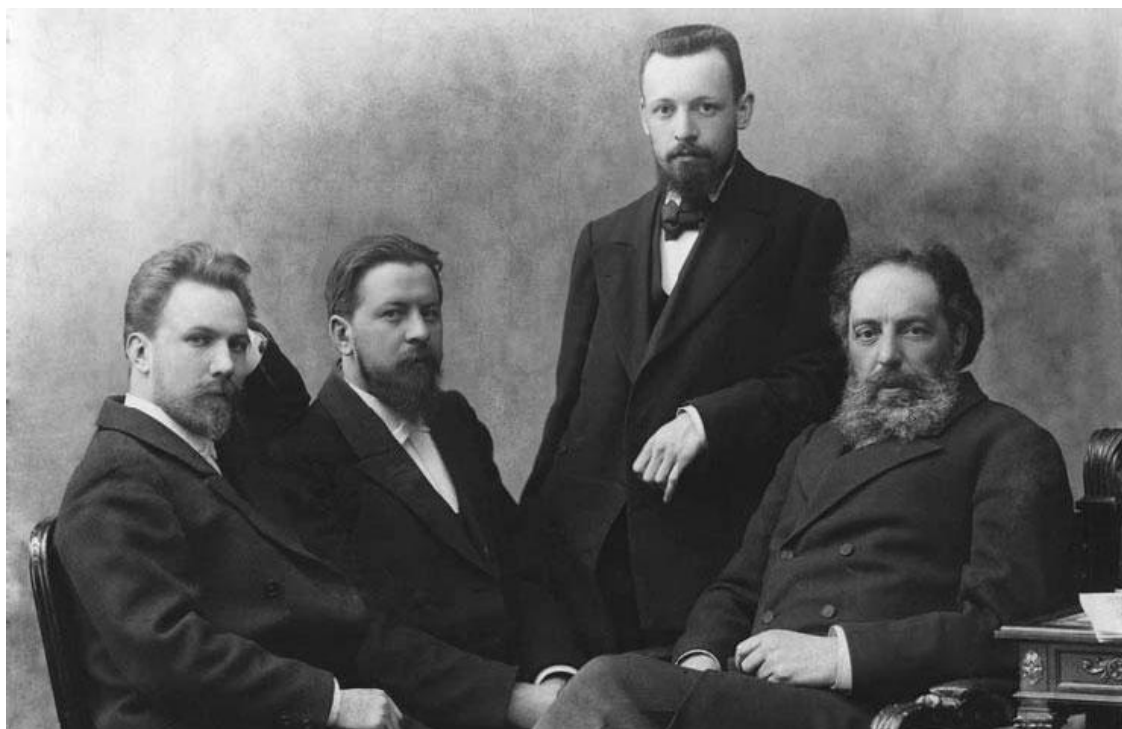
знакомился с её устройством. Георгий Несторович... был очень красивым и обаятельным, с рыжеватыми кудрявыми волосами и синими глазами. Он был очень живой, весёлый, общительный, в обществе быстро становился центром, вокруг которого кипело веселье; очень нравился женщинам».

Первые годы нового века жизнь семьи Сперанских протекала достаточно спокойно и благополучно. Елизавета Петровна воспитывала детей и много помогала мужу в его общественной деятельности. Когда Георгий Несторович открыл «Дом грудного ребенка» на Пресне, она наладила работу яслей при Прохоровской фабрике. Сохранилась фотография Елизаветы Петровны за прилавком благотворительного базара на выставке в «Доме грудного ребенка» в 1913 году. Вся выручка от базара шла на нужды этой лечебницы.

Несмотря на большой объем бесплатной работы в «Доме грудного ребенка» и необходимость ради заработка заниматься частной практикой, Сперанский принимал активное участие в работе Московского общества детских врачей и Московского общества борьбы с детской смертностью. В 1914 году им был основан журнал научных работ, который назывался «Материалы по изучению детей раннего возраста». Издавался этот журнал в типографии Сытина вплоть до её закрытия. Забегая вперёд, следует сказать, что в советское время выпуск журнала был возобновлен в 1922 году, а с 1934 года он стал называться «Советская педиатрия», а затем – просто «Педиатрия». Дед оставался главным редактором журнала до конца жизни в течение полувека. Сейчас журнал «Педиатрия» носит имя Г. Н. Сперанского.



Основоположник российской педиатрии, профессор Нил Фёдорович Филатов (1847–1902 гг.), учитель и друг Г. Н. Сперанского



Ординаторы Г. Н. Сперанский, В. Г. Григорьев, С. А. Васильев с Нилом Федоровичем Филатовым (после издания его клинических лекций в 1899 г.)





На открытии памятника Н. Ф. Филатову на Девичьем Поле. На трибуне Профессора Ю. Ф. Домбровская и Г. Н. Сперанский



Клиника детских болезней Московского Университета, бывшая Хлудовская детская больница. Три верхних окна – окна аудитории, в которой читал лекции Н. Ф. Филатов



Старый корпус клиники детских болезней Московской медицинской Академии (современная фотография)



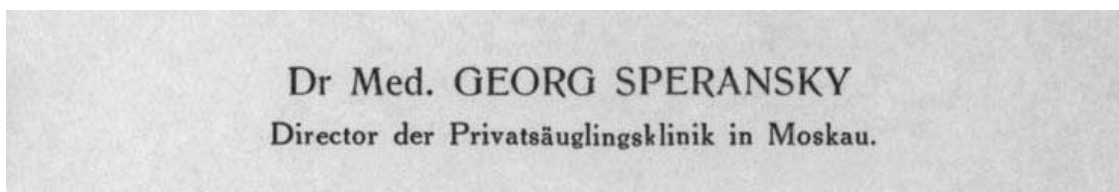
Памятная доска на стене «детской клиники»



Елизавета Петровна у киоска с литературой для родителей на выставке в «Доме грудного ребенка» (1913 г.)



Г. Н. Сперанский, 1910 г.



Визитная карточка Георгия Сперанского, директора частной детской клиники в Москве



Милостивый Государь
Георгий Нестерович!

Городской Родильный Дом имени
А. А. Абрикосовой имеет честь уведомить
Вас, что определенным Городским Управле-
нием в 15-е Сентября 1907 г. за № 29915. Вы
назначены в качестве врача консул-
танта по детским болезням в
Родильный Дом А. А. Абрикосовой.

Директор Маршанов



Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934 гг.), владелец крупнейшего в России книжного Издательства, большой друг ГН. Сперанского и его «Дома грудного ребенка». Рисунок из сборника «Полвека для книги». Т-во ИД. Сытина. Москва, 1916 г.

Глава 5

Покупка Сперанскими участка в поселке Деденево и строительство собственной дачи

В самом начале прошлого века, в 1906 году, Сперанские купили у графа Головина участок земли в посёлке Деденево, недалеко от Влахернского монастыря и станции того же названия открывшейся незадолго до этого Савеловской ветки Ярославской железной дороги. Георгий Несторович бывал в этих местах ещё в студенческие годы, когда работал в Сухаревской земской больнице, верстах в двадцати от имения Головиных, и холмистые деденевские окрестности очень ему приглянулись. Земля была куплена на имя супруги Георгия Несторовича Елизаветы Петровны Сперанской, моей бабушки. Сохранился уникальный документ – **«Выпись из крепостной Московского Нотариального Архива книги по Дмитровскому уезду за 1906 годъ № 35 Листа 22 Страницы 2 № 30»**. В этом документе говорится (с сохранением орфографии): «Тысяча девятьсот шестого года Сентября двадцатаго дня явились к Федору Аникитичу Троицкому, и.д. Московскаго Нотариуса Якова Ивановича Невушскаго, въ конторе его, Тверской части, 2 участка, по Воскресенской площади, въ доме Карзинкиных, лично ему известные и к совершению актовъ законоправоспособные: съ одной стороны дворянинъ Федоръ Александровичъ Головинъ, действующій лично за себя и по доверенности законоправоспособныхъ братьевъ своихъ дворянъ Владимира и Александра Александровичей Головиных, живущій на Покровке, въ доме Шанина, а съ другой жена врача Елизавета Петровна Сперанская, живущая по Зубовской площади, въ доме Юдина, в сопровожденіи лично ему известныхъ свидетелей: Владимирскаго мещанина Николая Никитича Ревонистова, потомственного почетнаго гражданина Александра Васильевича Ольховскаго и сына Маіора Владимира Фердинандовича Колоніуса, живущихъ 1й Пресненской части, 2 уч. въ доме Муравьевой, 2-й Лефортовской части, 2 уч. въ доме Рыдокина и 3й Мещанской части, 3 уч. въ доме Богдановой, съ объявленіемъ, что они Головинъ и Сперанская, совершаютъ купчую крепость следующаго содержанія: Федоръ, Владимиръ и Александръ Александровичи Головины продали Елизавете Петровне Сперанской из недвижимаго именія своего, называемаго «Деденево», состоящаго Московской губерніи Дмитровскаго уезда, при сельце Ново-Спасскомъ, Деденево тожъ, сдеревнями Целеево, Медведки, Голявино и Ртищево, участок земли въ местности подъ названіемъ «по речке Икше» и значащійся по общему плану на дачный поселокъ «Деденево»...».

С осени того же года был выбран подрядчик-строитель из г. Дмитрова, который с бригадой плотников за один год выстроил на пологом склоне холма двухэтажный деревянный дом с глубоким бетонированным подвалом и чердаком и высокой, вначале открытой, верандой на кирпичных столбах. К зиме 1907 года были поставлены печки и камин, и Сперанские стали жить в новом доме. Вскоре рядом с домом был построен каретный сарай с конюшней и сеновалом на чердаке, где у Сперанских стояли дрожки и лошадь, а позже к нему была пристроена мастерская. Я не могу с точностью ответить на вопрос, где молодой доктор достал деньги на покупку земли и строительство дома. При жизни деда я никогда об этом не спрашивал. Насколько мне известно, ни у деда, ни у бабушки в то время больших капиталов не было. Конечно, жизнь и строительство в те далекие годы были относительно недорогими. Но все же сумма нужна была изрядная. Думаю, помимо дохода от частной практики, которой дед активно занимался, он мог взять кредит в банке или занять деньги у кого-нибудь из родственников или знакомых. В цивилизованном государстве, каким была дореволюционная Россия, достать деньги частнопрактикующему врачу было не столь уж сложно: врачи относились к одной из наиболее высокооплачиваемых категорий населения.

Вскоре после строительства дома дед сделал на даче теннисный корт. Он был сделан по всем правилам – с дренажом, широкими забегами и задними сетками. Я не могу назвать точную дату создания корта. Единственным неопровержимым документом является до сих пор существующий огромный бетонный каток, на одном из торцов которого отчетливо определяется дата: 1913 год. Уверен, что каток был отлит вскоре после устройства площадки или почти одновременно с ней и использовался для выравнивания грунта. Он был настолько тяжёл, этот каток, что для его передвижения нужно было не меньше четырёх крепких мужчин. Поэтому, вернувшись на дачу после войны, мой отец с помощью зубила и молотка отрубил примерно треть его бетонного тела. Выровняв торец оставшейся части свежим цементом, он оставил на нём свои инициалы и дату: 1945 год. Так и сохранился этот каток – на одной его стороне значится 1913 год, на другой – 1945 год.

По соседству со Сперанскими купил участок и выстроил большой дом приятель и коллега деда акушер Н. И. Побединский, в клинике которого Георгий Несторович консультировал новорожденных детей. Судьба этого дома оказалась трагичной: в первые годы революции он сгорел, а участок Побединских был срыт в 34–35-х годах во время строительства канала «Москва—Волга»: там был устроен карьер, где брали песок и гравий для бетонных работ.

По железной дороге мимо дачи четыре—пять раз в день ходили пассажирские поезда от Бутырского (позже – Савеловского) вокзала, который был построен и торжественно освящён 10 марта 1902 года. Поезд из пяти—шести вагонов шёл не торопясь, долго стоял на станциях, ожидая встречного состава – линия вначале была однопутной. По рассказам деда, путь до платформы Влахернской занимал около трёх часов, примерно столько же, сколько мы едем сейчас на машине по невероятно загруженному транспортом Дмитровскому шоссе в пятницу после работы. Пассажиров было немного, и отношения были поистине патриархальные. Дед рассказывал, что профессор Николай Иванович Побединский ездил в Москву одним и тем же поездом. Однажды поезд на Москву подошёл к станции, дождался встречного, и пора уже отправлять, но начальник станции медлит. «В чём дело?» – спрашивает машинист. «Погоди маленько, – отвечает начальник, – Побединский опаздывает – вон подходит...», сел. Теперь можно и трогать».

Дом Сперанских был очень гостеприимным, и на даче постоянно бывали гости. В хорошую погоду для них накрывали стол в саду около теннисного корта, в дождливую – на террасе, которую на третий год застеклили. Постоянно жил у Сперанских старший брат Георгия Несторовича, известный филолог, специалист по древнерусской литературе, закоренелый холостяк Михаил Несторович Сперанский, а также часто проводил летние месяцы, наезжая из Одессы, брат Елизаветы Петровны Владимир Петрович Филатов, в те годы уже подающий большие надежды офтальмолог, вскоре ставший мировой знаменитостью. Чем занимались? Во-первых, все увлекались теннисом. Дед начал играть в теннис ещё на Девичьем поле и на даче Филатовых в Кунцево, о чем свидетельствует приведенная мною ранее (гл. 2) фотография Нила Федоровича с дарственной надписью: «Знаменитому лаун-теннисисту от достойного соперника». Я сам несколько раз наблюдал деда играющим в теннис, и его удары не были ударами новичка. По рассказам мамы, в молодости выходила на корт и бабушка Елизавета Петровна, но сам я ракетки в её руках не видел никогда. Во всяком случае, к увлечению теннисом своих детей, внуков и внучек она относилась благосклонно.

Кроме игры в теннис, большими кампаниями ходили гулять по окрестностям, которые в холмистых отрогах Клинско-Дмитровской гряды были удивительно живописны. Любимые прогулки были в деревню Паромоново, в четырех километрах от дачи, стоящую на краю огромного и очень красивого Паромоновского оврага, и поближе, на Трояки, к месту слияния рек Икши и Волгуши, где были отличные песчаные пляжи. Очень любили ходить за грибами, которых в окрестных лесах было видимо-невидимо. В особенно грибные годы, как

рассказывала мне бабушка, собирали так много грибов, что для возвращения домой нанимали подводу, чтобы везти корзины с грибами. Грибы изучали по книге с цветными табличками «Собиратель грибов» Дмитрия Кайгородова, выпущенной издательством А. С. Суворина в 1888 году [11]. Она и сейчас лежит у меня на столе, хотя грибов в наших лесах почти не осталось, как не осталось и самих лесов.

Иногда все вместе ходили в Головинский парк, где устраивались весёлые маскарады. Купались в реке Икше, которая тогда была глубокая, с каменистым дном. Все они, и хозяйка, и гости, были молодыми, жизнерадостными, и жизнь на даче была легкая и беззаботная. Правда, гостей надо было кормить. В доме было две кухни: одна, летняя, в подвале, другая поменьше, зимняя, на первом этаже дома. Всегда держали кухарку: Елизавета Петровна готовить не умела и не любила. Зато она прекрасно умела занять гостей разговорами за столом, во главе которого она сидела и разливала чай из самовара.

Чтобы прокормить всю ораву детей и гостей Сперанские завели большой огород, на котором выращивали картофель и овощи. Картофельное поле в нижней части участка на заливном лугу обрабатывали с помощью лошади, сначала взятой в соседней деревне, а потом своей, прозванной Бельчиком. Почти с самого начала дачной жизни у Сперанских жил дворник. Сначала это был, не помню, то ли Егор, то ли Федор, мужик из соседней деревни, а потом появился Николай Давыдович, который в Первую мировую был контужен и у него был перекошен рот. Он прожил у Сперанских без малого сорок лет, ухаживал за садом и огородом, а зимой топил печи и расчищал снег. Это был ворчливый, но очень добрый и верный человек, которого я помню совсем старым, уже после войны. Забегая вперед, скажу, что именно он спас дачу Сперанских от разграбления и гибели и во время первых лет советской власти, и во время Отечественной войны, когда Сперанские были в эвакуации, а на даче стоял батальон Красной Армии, защищавший подступы к Москве.

Много сил отдавали огороду и сам Георгий Несторович, и его брат Михаил Несторович. Они завели хорошие инструменты – лопаты, вилы, грабли, выписали из Германии ручной плужок на одном колесе фирмы Planet и очень любили копать и обрабатывать свою землю. На многих сохранившихся фотографиях братья Сперанские запечатлены на огороде, в сапогах, в рубашках с засученными рукавами и с лопатами в руках. У меня сохранились уникальные книги: «Практическое огородничество» [12], написанная «садовником Н. А. Александровым», издания 1901 года, и «Как дешево устроить сад и ухаживать за ним» [13] П. П. Дорофеева, изданная в 1906 году, которые были настольными книгами деда. Потом были посажены и стали плодоносить ягодные кусты – черная, красная и белая смородина, крыжовник, красная и белая малина. Дед посадил яблони: белый и золотой налив и антоновку. Чтобы они не замерзали зимой, он пригибал ветви молодых деревьев к земле, удерживая их кольями, и создавал так называемые «лежачие» яблони. Их можно было легко укрывать на зиму. Я застал эти яблони очень старыми, но и во время моего детства, в конце сороковых годов, эти яблони, особенно антоновка, в урожайные годы ломились от плодов...

Ну а Елизавета Петровна увлекалась цветами. В саду росли розы, гелиотроп, душистый табак, левкой, львиный зев, астры, настурции и пионы разных цветов, маки, желтые лилии, которые до сих пор исправно зацветают вдоль дорожек. Больше всего бабушка любила душистый горошек, который она сажала каждую весну и подвязывала к специальной проволоочной сетке, натянутой между деревянными столбами. Любимица бабушки, ручная сорока Галя, ходила вслед за ней и развязывала узелки на цветах. История этой сороки печальная. Птица выпала из гнезда, не умея летать, и бабушка подобрала и выкормила её. Сорока жила на веранде дачи, ходила по столу и, оглядывая всех озорным глазом, склевывала крошки со стола и тарелок. Бабушка, временами довольно строгая к детям и собакам, обожала Галю и позволяла ей делать всё, что та захочет. Днем сорока вылетала в сад, где ходила за бабушкой по пятам или сидела у неё на плече. Так продолжалось все лето. Но однажды

в конце августа сорока вдруг не вернулась вечером на веранду. Бабушка не спала всю ночь, поджидая её, и очень волновалась. А утром Галю нашли мертвой в бочке с водой, которая стояла под окном. Наверное, она, перепутав окна, ударилась о стекло закрытого окна, упала в бочку и утонула. Бабушка долго переживала гибель своей подруги и никогда больше не брала в дом птенцов.



Влахернский монастырь до октябрьского переворота. Северный фасад



Пустынный высокий берег речки Икши, где Сперанские купили участок для дачи



Однокалейная Савеловская железная дорога. Построена в 1903–1905 гг.



Поезд у платформы «Влахернская»



Постройка дома Сперанских в Деденеве. Весна 1907 г.



К дому пристраивают террасу. Апрель 1907 г.



Дом Сперанских готов. Осталось застеклить террасу. Лето 1907 г.



Наконец, закончена и большая терраса



*Вскоре после завершения строительства дома Георгий Несторович сделал на даче теннисный корт. **На снимке:** вся семья на уборке листьев*



Бетонный каток для укатывания корта, датированный 1913 г.



Рядом с теннисным кортом поставили стол, за которым в хорошую погоду пили чай



Георгий Несторович с детьми. Зима приблизительно 1910–1911 г.



У лестницы на террасу. Елизавета Петровна с Колей и Катей и родители Георгия Несторовича Нестор Михайлович и Александра Егоровна (1908 г.)



В гостях у Побединских. Слева сидят Николай Иванович Побединский и Елизавета Петровна (приблизительно 1908–1909 гг.)



По краю участка Сперанских протекала речка Икша. В то время она была довольно глубокой, с каменистым и песчаным дном и чистой водой





*Рядом с речкой был выкопан небольшой пруд, вода в который поступала из родников и была очень чистой. На пруду Сперанские держали лодку, на которой Георгий Несторович со старшим сыном Колей плавали на Волгу. **На нижнем снимке:** Катя и Сережа в лодке на пруду (около 1910–1911 гг)*



Георгий Несторович и его брат Михаил Несторович вскапывают картофельное поле на огороде



После работы можно и отдохнуть. Георгий Несторович в шезлонге



Георгий Несторович и Михаил Несторович за расчисткой снега



Георгий Несторович и Михаил Несторович на лыжной прогулке



*На лыжах. **Сверху:** Михаил Несторович и Коля. **Снизу:** Георгий Несторович*



Георгий Несторович, неизвестная гостья и Елизавета Петровна



*На берегу Икши. **Стоят слева направо:** Георгий Несторович, Пётр Фёдорович Филатов (в венке на голове), Коля, Владимир Петрович Филатов (в кепке), Катя. **Сидят:** Сережа и Елизавета Петровна (приблизительно 1909–1910 гг.)*



*У дачного крыльца. **Стоят:** Георгий Несторович Елизавета Петровна и Катя
Сидят: Серёжа Пётр Фёдорович Владимир Петрович и Коля (1911 г)*

Глава 6

Первая Мировая война. Февральская революция – надежды и разочарования. Октябрьский переворот

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года Германия объявила войну России. Во время Первой мировой войны Георгий Несторович не был призван в армию. Его сыновья были ещё детьми, и трагедия 1914–1916 годов непосредственно не коснулись семьи Сперанских, хотя война существенно изменила распорядок их жизни. «Война 1914 года, – пишет дед в своих воспоминаниях, – отвлекла благотворительные средства и врачебные кадры от работы по ребенку, и стационар «Дома грудного ребенка» стал обслуживать детей-сирот и беженцев с западных окраин в связи с военными действиями. Они целыми вагонами прибывали в Москву. Все, что можно было, было занято беженцами. «Дом грудного ребенка» был переполнен сиротами и беженцами, и город стал давать субсидию на их содержание. Благотворительное общество извлекало, сколько возможно, средств на поддержку учреждения». Сотрудники Дома дежурили на Брестском (теперь Белорусском. – **А. О.**) вокзале, где встречали поезда с беженцами из оккупированных немцами областей и отбирали больных детей для помещения в больницу.

Но этим общественная деятельность Георгия Несторовича не ограничивалась. Здесь мне хочется снова привести выдержку из воспоминаний С. Н. Куманиной-Декапольской: «...Я снова встретила с Георгием Несторовичем в 1914 году, когда началась война с Германией. Никто не был готов к такой войне. Уже с середины августа в Москву стало поступать громадное количество раненых. В Москве не хватало госпиталей... Все больницы были заполнены, и множество раненых лежали на эвакуационных пунктах на вокзалах в ужасных условиях. И тут пришлось принимать срочные меры. В Александро-Мариинском институте, где я в то время работала, задержали начало учебного года и организовали прекрасный госпиталь. Училось там приблизительно 300–400 девочек. Кроватей хватало, была столовая, и всё это было предоставлено раненым воинам. Палаты были организованы в дортуарах, как мы называли спальни. В одном из классов, самом большом, где я сама училась пять лет... была организована операционная, в другом классе рядом – перевязочная. Здание было прекрасное, и нашим воинам были предоставлены отличные условия. И всё это организовал Георгий Несторович Сперанский, молодой, энергичный администратор. Он пригласил хороших врачей. Обслуживающий персонал был из служащих института, а медицинский персонал был отлично подобран. Я, как и многие бывшие воспитанницы Института, была привлечена к работе с ранеными. Я работала в качестве сестры милосердия, окончив краткие сестринские курсы при 1-й Градской больнице. Постепенно помощь раненым начала налаживаться, и в декабре было решено закрыть наш госпиталь, сделать ремонт и дать возможность девочкам, исключительно дочерям военных, продолжить учение. Но Георгий Несторович проявил громадную энергию и госпиталь не закрыли, а перевели его в только что отремонтированный жилой дом на улицу Мясницкую, теперь Кирова. Весь медицинский состав перешёл в новый городской госпиталь. Возглавлял его Георгий Несторович, и он был на высоте. К сожалению, Сперанский не долго руководил госпиталем. Он вел громадную медицинскую и общественную работу с больными детьми и, спустя несколько месяцев, был вынужден передать руководство госпиталем другому врачу. Мы все были очень удручены его уходом, так как он был необычайно дельным, энергичным и чутким руководителем. Я горжусь, что в жизни я так много сталкивалась с этим прекрасным человеком и врачом».

Несмотря на свою занятость и военные тяготы, Сперанский часть своего времени отдавал преподаванию. В 1915 году он начал работать внештатным ассистентом детской клиники

Высших женских курсов, где читал слушательницам лекции по физиологии новорожденных [14]. Позже дед вспоминал: «Когда я впервые загорелся мыслью об изучении здорового ребёнка, многие из моих коллег не понимали меня. Заниматься здоровыми детьми в то время, когда болезни уносили тысячи жизней, когда устав не позволял принимать в больницы детей моложе двух лет только потому, что больше половины их там просто погибали! А дело всё в том, что физиология ребенка, особенно новорожденного, была тогда белым пятном в науке. Но я понимал, что, не изучив её, нам не одолеть болезней». Проработал он там до самого октябрьского переворота, когда курсы закрыли. Думаю, что хорошим подспорьем в изучении физиологии маленьких детей была для деда его собственная семья. Весной 1915 года к уже подросткам детям Сперанских прибавился четвертый ребёнок – только что родившаяся дочка Наташа, Наля, как её будут называть родные и близкие. Елизавета Петровна уже не справлялась со своим увеличившимся потомством, и ей в помощь взяли молодую девушку Матрёшу. Она прожила у Сперанских всю жизнь до глубокой старости, вынянчив не только мою мать, но и меня.

После Февральской революции Георгий Несторович надеялся, что при новой власти удастся широко наладить работу по снижению детской смертности, которая в России была очень высокой. Уже в феврале 1917 года он пригласил на заседание Московского общества борьбы с детской смертностью всех видных педиатров и акушеров для того, чтобы обсудить задачи и перспективы охраны материнства и младенчества в новых условиях. Была создана комиссия под председательством Сперанского, в которую вошли профессора и доктора А. А. Кисель, В. И. Молчанов, С. И. Федынский, Н. Ф. Альтгаузен, Т. Л. Грауерман, А. Н. Рахманов, С. О. Дулицкий, Алексеев (главный врач Морозовской больницы), Н. И. Ланговой, Б. Э. Эгиз. Секретарями комиссии были назначены М. М. Райц (бывшая секретарем Московского общества борьбы с детской смертностью) и А. И. Баландер. Эта комиссия разработала план мероприятий по охране материнства и младенчества и в первую очередь решила заняться Московским воспитательным домом на Солянке, находившимся в ужасающем состоянии. Мирра Марковна Райц вспоминает, как она в первый раз пришла в это учреждение: «Отделение для здоровых детей представляло собой огромную залу, в которой было размещено 100 детских колыбелек, закрытых марлевым пологом. У входа в «палату» была сложена гора матрацев, которые на ночь расстилали кормящие матери (они же ухаживали за сиротами) на полу среди детских кроваток».

Второй задачей комиссии Георгия Несторовича было разработать план открытия специальных курсов по подготовке медицинских сестер и воспитательниц. Была составлена, обсуждена и утверждена программа курсов и основные положения о детских учреждениях. Разразившийся большевистский переворот парализовал деятельность комиссии, и её планы остались на бумаге. Известный акушер Т. Л. Грауерман утешал своих коллег, правильно предвидя и говоря, что «нас ещё позовут».

Из подлинных документов этого периода жизни деда сохранилось удостоверение, выданное ему 7 июля 1917 года канцелярией Попечителя московского учебного округа за № 20660: «Дано сіе Георгію Несторовичу Сперанскому въ томъ, что он состоитъ ассистентомъ Дѣтской Клиники на Московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ и пользуется, согласно почто-телеграммъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба на имя Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 7апрѣля 1917 года за № 19951, правомъ на отсрочку призыва на военную службу. Попечитель (подпись неразборчива). Правитель Канцеляріи В. Стефановскій (или Стефанович)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.